

Проблема просветительской коммуникации в деятельности общественных НКО **Кудряшов И. С.**

*Кудряшов Иван Сергеевич / Kudryashov Ivan Sergeevich – кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии,
Новосибирский государственный медицинский университет,
кафедра истории философии и гносеологии,
Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск*

Аннотация: *проблема конфликтов и неприятия деятельности общественных организаций, связанной с образовательными программами, порой стоит очень остро. Неприятие выражается как в индивидуальном отказе, так и в разных формах общественного подозрения, видящего в просвещении род пропаганды. В статье анализируются типичные попытки ответа на вопрос о причинах такого непонимания и предлагается собственная версия, способная сделать эту тему объектом методологической озабоченности со стороны участников НКО и волонтеров.*

Ключевые слова: *социальная философия, общественные организации, просветительская деятельность, конфликтология, менталитет, власть, психоанализ, дискурс.*

УДК 101:378+[159.964.2:32.019]

В ходе своей работы общественные организации (далее НКО) сталкиваются с необычным типом конфликтов на почве просветительской деятельности. В отличие от других видов деятельности, призванной помочь тем или иным социальным группам, именно попытки дать знание, в т. ч. для профилактики, наиболее часто вызывают отторжение.

Данная проблема имеет в себе два уровня. В индивидуальных случаях это различные формы агрессии, даже там, где контакт между работником НКО и его подопечным давно установлен. Причем это почти никак не зависит ни от формы подачи (предписание или ознакомительный материал), ни от средства (устная речь или буклет), ни от тематики. На уровне общества эта проблема временами стоит еще более жестко, т. к. некоторые социальные группы весьма болезненно относятся к содержанию «просвещения» от НКО. Чаще всего в нем видят пропаганду чужих ценностей и моделей поведения, рекламу запретного, подрыв авторитета других институций (семья, школа, церковь и др.). В подобном сбое коммуникации возникает то, что Грегори Бейтсон назвал *double bind* – ситуация, при которой любое действие участников только ухудшает и запутывает отношения. Связано это в том числе со специфическими установками в отношении знания: если первые (НКО) недооценивают его влияние, то вторая сторона конфликта («общественность») чрезмерно переоценивает его.

Общий схематизм и повторяемость подобных конфликтов заставляет заподозрить в этом определенного рода структуру. В силу этого в качестве одного из инструментов в анализе ситуации мы далее используем идеи французского структурализма и структурного психоанализа Жака Лакана.

При повторяемости этих проблем сами организаторы и участники НКО редко рефлексируют на этот счет. Глубокая связь между знанием и властными притязаниями ими наивно игнорируется. Частично это объясняется тем, что участниками НКО по большей части являются добровольцы или люди, по своему образованию никак не связанные с вопросами социологии, политологии или общественных отношений. Между тем даже использование волонтеров – это вопрос традиции, сформировавшейся в данной культуре, который ни в коем случае нельзя игнорировать. Сферы, где одни общества признают возможность участия непрофессионалов, вряд ли совпадают с ожиданиями других обществ. Ярким примером является область, связанная со здоровьем: в отличие от американцев (с их традицией парамедиков), россияне довольно негативно относятся к идее использования в этой сфере непрофессионалов.

Поэтому осознавая наличие конфликтов, но не их причины, в лучшем случае работники НКО обращаются к конфликтологии. Но обращение к конфликтологии хорошо свидетельствует, что целью является не столько упреждение проблем, сколько обучение способам купирования последствий уже произошедшего столкновения.

В рамках социальной философии и политологии подобные вопросы также не рассматриваются и лишь частично пересекаются с изучением образовательных институтов в обществе. Особенно проблематично дело обстоит с политологией, которая как раз должна изучать различные действующие структуры общества, но на деле ограничивается исследованием партий и политических общественных объединений. Однако в силу значительного общественного резонанса специалисты этих областей вынуждены высказывать свои предположения о причинах подобных конфликтов. К сожалению, эти версии неубедительны.

В первую очередь в качестве причины указывают личные особенности конфликтера. Обоснованием является то, что НКО нередко имеет дело с людьми проблемными, да еще и в трудных жизненных ситуациях. Подобный аргумент «к человеку» здесь недостаточен. В любой коммуникации встречаются сложные люди и недопонимание, и все-таки именно попытки обучить человека чаще вызывают пассивно-агрессивную реакцию у тех, кто сам пришел за помощью. Факт, что человек уже обратился за помощью, свидетельствует о его согласии на коммуникацию, а значит, причину следует искать не в индивидуальных особенностях, а в закономерностях психологии людей. Таким образом, упрощенные объяснения в духе «человеку не нравится быть пассивным, вот он и реагирует» в данном случае не работают, потому что прямая помощь от организации – это тоже пассивный опыт. Почему один вид опыта реже вызывает конфликты, чем другой? На этот вопрос ответа в таком подходе нет, лишь гипотезы *ad hoc*.

Вторым и наиболее частым способом описания причин являются пространные отсылки к смутным концептам. Первое место среди них занимает идея «российского менталитета». Идея о том, что «народ какой-то не такой» - это род от-объяснения, т. е. форма теоретического бегства от проблемы, путем ее сведения к неизвестной природе. Очевидно, что менталитет или некоторые особенности национальной психологии существуют, но чтобы на них сослаться, нужны строгие основания. Допущение о том, что именно наши сограждане не хотят учиться и меняться, а поэтому негативно относятся ко всяким попыткам просвещения – к строгим основаниям не относится. Поскольку в таком случае любая образовательная программа должна была оборачиваться провалом, что очевидно не так. Массовые стереотипы влияют на рецепцию в обществе образовательных программ от НКО, но не всякая рецепция провоцирует именно агрессию (возможны симпатия, игнорирование и т. п.).

Проблема менталитета и его отношения к различным формам просвещения – это, в конечном счете, вопрос хорошо обоснованной методологии. Сложность лишь в том, что на данный момент хоть что-то по нашей теме могут сказать лишь микросоциологические исследования – этнопсихология, микрокоммуникативистика, *cultural studies*. Очевидно, что при подобном подходе одна проблема распадается на множество, и шанс на появление четкого ответа о причинах уменьшается.

На фоне этих двух причин изредка звучит третья версия. Заключается она в попытке связать знание и власть. Объясняя или описывая что-либо, мы в то же время предписываем. Таким образом работают и современные СМИ по мнению теоретиков медиа Липмана и МакКуэйла [2]: пресса и другие источники информации не особо успешны в том, чтобы сказать, что думать людям, но они весьма успешны, говоря, о чем им думать. Единственная проблема такого подхода в том, что с точки зрения медиа деятельность общественной организации сложно описать как инструмент передачи информации. НКО преимущественно действуют, а не говорят, возможно, поэтому и столь плохо ориентируются в конфликтах на почве обучающей коммуникации.

На наш взгляд третий род объяснения необходимо уточнить и развить, подведя под него теоретическую базу. Такую базу мы обнаруживаем в современной философии и психоанализе. Мишель Фуко предложил теорию власти, построенную на серьезном изучении работы властных механизмов в организации и содержании знания [3, с. 99-100]. Психоаналитик Жак Лакан разработал теорию четырех дискурсов, которая довольно точно описывает саму причину конфликта в обучающей коммуникации – как в официальных социальных институтах, так и в деятельности общественных организаций.

Подход Фуко первоначально делал акцент на том, что пространство знания существует независимо от субъектов. Он считает, что субъекты подвергаются трансформациям со стороны институтов (лечебниц, тюрем и т. д.) – как напрямую, так и через дискурс. В более поздний период он несколько пересмотрит эту точку зрения и станет наравне с влиянием внешних институтов изучать техники «заботы о себе». Но в целом его идея о том, что знание никогда не бывает этически и политически нейтрально, окажет огромное влияние на современные политические теории.

Опираясь на эти интуиции, суть проблемы может быть описана следующим образом. Вступая в коммуникацию, важно не только то, что говорят субъекты, но и то, какую позицию в речи они занимают. Точка, из которой говорит субъект, и определяет то, что в учении Лакана получило название четырех дискурсов: дискурс господина, дискурс университета, дискурс истерика и дискурс аналитика. Основным в обучении является дискурс университета, чья главная характеристика состоит в попытке через знание оформить субъекта. Превращение нечто во что-то здесь происходит при полном самоустранении говорящего. Обучающий обычно говорит не как личность со своим мировоззрением, а от лица знания, идеи или другого автора. Однако, как отмечает Лакан, за всяким университетским дискурсом лежит властный жест господина [1, с. 130], который можно упрощенно выразить в позиции «я знаю, ты – нет». Также он проявляется в присваивании права оценивать другого и игнорировать часть мотивов/желаний обучаемого.

Оценка практически никогда не может быть очищена от элемента насилия и произвола, что довольно точно определил еще Кант в своей этике. Именно поэтому обучающийся помещается в психологическую ситуацию, которой соответствует истерический дискурс. Ключевая особенность этого

дискурса – это реакция-вопросание «Почему я – это то, что вы говорите?». Именно он дает целый спектр конфликтных реакций: от пассивного сопротивления или игнорирования до агрессивных выпадов словесного и физического характера. В этом смысле даже переход к угрозам или прямому насилию в таких конфликтах в учении Лакана описывается как *acting out*, т. е. продолжение сообщения Другому несловесными средствами.

В образовательных институтах реакция истерика заранее купирована, потому что властный жест преподавателя подкрепляется целой структурой, способной «надзирать и наказывать». В других ситуациях, где участники коммуникации по большому счету равны, переход двоих на дискурс университета и дискурс истерика значительно повышает вероятность конфликта. В самом деле, такого рода «вещание от лица знающего» тесно соседствует либо с пренебрежением (даже если мотивы говорящего благие), либо с манипуляцией (как в сектах или при мошенничестве). Более того, как свидетельствуют исследования Фуко, позиция маргиналов редко представлена в официальных формах знания так, как она представляется им самим. Разные научные и социальные дискурсы воспринимают проблемные категории лиц в модусах от «виноват сам» (девиация, личный выбор, лень и эскапизм и т. д.) до «таким его сделали другие» (воспитание, образование, среда, неправильные идеи и взгляды, привившие определенную форму беспомощности). Мало какой человек, особенно в истеризованном состоянии, готов запросто принять такие идентификации, да еще от лица, не облеченного никакой реальной властью.

Это описание позволяет пролить свет на происходящее как на индивидуальном уровне, так и на общественном. Истерический дискурс в конечном счете тесно связан с проблемой собственного желания, именно поэтому в нем и индивид, и общественная группа выступают как чрезмерно озабоченные желанием другого. Так, например, люди, которые видят в сексуальном просвещении род пропаганды развращенного поведения, вне зависимости от правоты их подозрений, явно выстраивают наличие тайных мотивов там, где их может и не быть. Точно так же обучающийся может фантазировать о том, что «несправедливая» (с его точки зрения) оценка объясняется каким-то особым к нему отношением.

Таким образом, задача просветительской деятельности НКО – это вопрос о том, как не истеризовать человека, которого вы хотите обучить чему-либо. Решений в данном случае можно предложить несколько, но наиболее важные из них два.

Во-первых, это индивидуальный подход, который позволяет не оценивать человека по лекалам, а услышать его личную ситуацию. В самой базовой форме это реализуется в смене базовой установки, согласно которой человеку важнее решение проблемы (эрго: знание о способах решения/предотвращения), нежели поддержка. На деле знание должно быть всегда на втором месте, даже если деятельность и мыслится как просветительская.

Во-вторых, это серьезный и критический пересмотр содержания обучающих материалов, которые обычно заимствованы и прямо перенесены с западных образцов. Во втором случае проблема состоит не только в разнице базовых представлений и оценок, вытекающих из разных традиций взаимодействия внутри общества, но также в том, что сфера власти в каждом языке устанавливается по-своему (что в итоге и определяет те означающие, что функционируют в дискурсах). В этом смысле, как ни парадоксально, но консервативная позиция имеет свой резон: знание само по себе не обладает характеристикой блага. Поэтому вопрос о том, что за знание передается, кем и каким образом - должен быть актуализирован на всех уровнях работы общественных организаций.

Литература

1. *Лакан Ж.* Семинары 17: Изнанка психоанализа. М.: «Гнозис», «Логос», 2008. 272 с.
2. *Липпман У.* Общественное мнение / Пер. с англ. Т. В. Барчунова, под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
3. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц. М., Касталь, 1996. 448 с.